

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/KHTNMY>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

ГОГОЛЬ И ШКОЛА ЮНКЕРОВ (ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ПИСЬМАМ ГОГОЛЯ А.С. ДАНИЛЕВСКОМУ)

© 2022 г. Н.Л. Виноградская
*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*
Дата поступления статьи: 29 августа 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 11 ноября 2021 г.
Дата публикации: 25 сентября 2022 г.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-340-363>

Аннотация: Статья восполняет некоторые пробелы в биографии Гоголя его первых петербургских лет (1829–1831). Приводятся, в частности, новые факты и гипотезы, касающиеся круга общения, интересов и жизненных планов Гоголя в этот период. Рассмотрены письма Гоголя его ближайшему другу с детских лет А.С. Данилевскому, вместе с ним приехавшему в столицу и поступившему весной 1829 г. в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Многие имена и обстоятельства, упомянутые в этих письмах, прежде оставались загадкой для исследователей. Значение этих реалий раскрывается в статье благодаря привлечению ранее не публиковавшихся архивных данных, а также газетных сообщений и малоизвестных воспоминаний современников. Из писем и обнаруженных материалов следует, что Гоголь хорошо знал быт, нравы и пристрастия учащихся Школы юнкеров, будущих гвардейских офицеров, и был знаком с некоторыми из их наставников. Это нашло отражение не только в его эпистолярной, но и в художественном творчестве. Примером могут служить многочисленные гоголевские образы офицеров «средней руки», «поручиков»: от Пирогова в «Невском проспекте» до безымянных проходных персонажей-«поручиков» в «Мертвых душах», «Ревизоре», «Тяжбе», «Иване Федоровиче Шпоньке» и т. д. Основой для создания этих образов могли послужить впечатления, полученные Гоголем в ранние петербургские годы.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, биография, А.С. Данилевский, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, письма, Петербург, образы офицеров, «Мертвые души», «Невский проспект», «Иван Федорович Шпонька».

Информация об авторе: Наталья Леонидовна Виноградская — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9669-2061>

E-mail: nvinograd@yandex.ru

Для цитирования: Виноградская Н.Л. Гоголь и Школа юнкеров (Из комментария к письмам Гоголя А.С. Данилевскому) // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 340–363. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-340-363>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 3, 2022

GOGOL AND THE SCHOOL OF CAVALRY JUNKERS (FROM THE COMMENTARY ON GOGOL'S LETTERS TO A.S. DANILEVSKY)

© 2022. Natalia L. Vinogradskaya

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: August 29, 2021

Approved after reviewing: November 11, 2021

Date of publication: September 25, 2022

Abstract: The article provides new information on Gogol's biography in his early years in St. Petersburg (1829–1831). In particular, it gives new facts and hypotheses concerning Gogol's social circle, interests and plans during this period. The author of the article carries out a detailed analysis of Gogol's letters to his closest friend A.S. Danilevsky. Alexander Danilevsky arrived in the capital together with Gogol and entered the School of Cavalry Junkers and Ensigns of the Guard in the spring of 1829. Some names and circumstances mentioned in Gogol's letters to Danilevsky have so far remained unclear to commentators. The article reveals the meaning of these realities due to the involvement of previously unpublished archival materials, as well as some newspaper reports and little-known memoirs of contemporaries. As follows from the letters, Gogol knew well the everyday life, manners and interests of the School's students and teachers. This knowledge can be seen in his later literary work, for example in the numerous images of middle-ranking officers, from Lieutenant Pirogov in "Nevsky Prospect" to nameless minor characters: lieutenants in "Dead Souls," "The Inspector General," "Litigation," "Ivan Fedorovich Shponka," etc.

Keywords: N.V. Gogol, biography, A.S. Danilevsky, School of Cavalry Junkers and Ensigns of the Guard, letters, St. Petersburg, images of officers, "Dead Souls," "Nevsky Prospect," "Ivan Fedorovich Shponka."

Information about the author: Natalia L. Vinogradskaya, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9669-2061>

E-mail: nvinograd@yandex.ru

For citation: Vinogradskaya, N.L. "Gogol and the School of Cavalry Junkers (From the Commentary on Gogol's Letters to A.S. Danilevsky)." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 340–363. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-340-363>

Новые сведения и материалы, представленные в настоящей статье, были обнаружены в ходе практической работы — подготовки комментария к письмам Н.В. Гоголя раннего петербургского периода (1829–1831). Этот отрезок жизни Гоголя до сих пор остается малоизученным и недостаточно документированным; некоторые аспекты гоголевской биографии той поры вовсе не исследовались. Один из них касается находившегося в Петербурге военно-учебного заведения — Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, с которой Гоголь оказался связан благодаря учившемуся там другу детства, однокласснику и соседу по имени Александру Семеновичу Данилевскому (1809–1888). С ним Гоголь приехал в Петербург в конце декабря 1828 г. и на первых порах делил жилье; из воспоминаний Данилевского, записанных В.И. Шенроком, известны обстоятельства этого путешествия и первые впечатления Гоголя от столицы [10, т. 1, с. 151–152].

Школа в то время представляла собой привилегированное учебное заведение, готовившее молодых дворян к службе в гвардии. Она состояла из двух отделений: пехотного (роты подпрапорщиков) и кавалерийского (эскадрона юнкеров). Курс обучения длился два года; воспитанники причислялись к одному из гвардейских полков. Благодаря архивным разысканиям в фонде Школы (РГВИА. Ф. 321) удалось выяснить ранее неизвестные обстоятельства поступления и учебы Данилевского. Согласно документам, 5 апреля 1829 г. он успешно сдал вступительные экзамены (по 8 предметам набрал 80 баллов из 85 возможных, опередив большинство других поступающих)¹, 12 апреля был зачислен «кандидатом»², в мае стал унтер-офицером

1 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 297. Л. 26 об.

2 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 5. Л. 199.

лейб-гвардии Измайловского полка³. В конце 1829 г. он уже состоял в первом (старшем) классе подпрапорщиков⁴; 26 марта 1830 г. перевелся из пехоты в кавалерию, в лейб-гвардии Уланский полк⁵.

Перед Данилевским открывалась карьера гвардейского офицера, но ему не удалось окончить обучение — 6 апреля 1831 г. он уволился из-за болезни⁶ и вскоре отправился на родину, в Малороссию, а затем на кавказские воды, «чтобы пользоваться лечением Нарзаном» [10, т. 1, с. 349–350, 352]. «В 1831 году я должен был уехать лечиться на Кавказ», — сообщил он позднее В.И. Шенроку [10, т. 3, с. 540]. По воспоминаниям слуги Гоголя Якима, события развивались несколько иначе: во время польского восстания Данилевскому надлежало «по обязанности службы ехать в Варшаву», но он «попался на глаза своему начальству в одном из петербургских гуляний, в то время, когда его считали уже выехавшим из столицы», и после «сиденья на гауптвахте» ему «пришлось все-таки проститься и с Петербургом и с Гоголем» [21, с. 303]. Однако этот рассказ не подтверждается архивными данными: в списках воспитанников, отправленных приказом от 2 января 1831 г. в польский поход, фамилия Данилевского отсутствует⁷. Еще 21 октября 1830 г., т. е. двумя месяцами ранее, командир Школы генерал-майор П.П. Годайн представил его к увольнению от военной службы по его собственному желанию из-за грудной болезни, которой он страдал «с давне-

3 Приказ от 8 мая 1829 г. // РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 5. Л. 209.

4 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

5 Там же. Л. 61; РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 298. Л. 17.

6 См. приказ по Школе юнкеров от 6 апреля 1831 г. об увольнении от службы за болезнью юнкера лейб-гвардии Уланского полка Данилевского (РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 219).

См. также свидетельство об увольнении из Школы 6 апреля 1831 г. за болезнью, выданное 27 апреля 1831 г. недорослю из дворян Александру Данилевскому, желающему отправиться в Полтавскую губернию (РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 300. Л. 210–210 об.). О.К. Супронюк приводит более раннюю дату увольнения: 31.03.1831 [40, с. 61]. Это связано с тем, что процедура увольнения состояла из нескольких этапов. Один из них — утверждение Инспекторским департаментом Военного министерства. В указанный день (31 марта) Инспекторский департамент вернул начальнику остававшихся в Петербурге войск Гвардейского корпуса генерал-адъютанту Н.И. Депрерадовичу, которому в то время подчинялась Школа юнкеров, документы о дворянском происхождении Данилевского (указано в письме Инспекторского департамента в Герольдию от 16 февраля 1834 г., на которое ссылается О.К. Супронюк: РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 306. Л. 30). Депрерадович предписанием от 5 апреля 1831 г. № 1819 дал знать командиру Школы П.П. Годайну, что юнкер Уланского полка Данилевский с разрешения Инспекторского департамента уволен от службы за болезнью (РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 219), а 6 апреля Годайном был подписан приказ по Школе.

7 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 186, 187 об.

го времени», что подтверждалось свидетельством школьного штаб-лекаря К.А. Гассовского (имевшего, впрочем, «свои выгоды мирволить юнкерам» — [12, с. 29]); в докладе руководству Годейн просил о дополнительном осмотре Данилевского корпусным штаб-доктором В.А. Погоржанским, который должен был удостоверить его неспособность продолжать военную службу⁸. К началу февраля 1831 г. разрешение на увольнение еще «не последовало» из-за того, что Герольдией не были возвращены документы о дворянском происхождении Данилевского⁹; но 6 апреля 1831 г. «служивший лейб-гвардии в Уланском полку юнкером Александр Данилевский» все же был «исключен из службы по случаю одержимой грудной болезни»¹⁰. По поводу своего недуга Данилевский обращался к знаменитому доктору Н.Ф. Арендту; в письме от 2 мая 1831 г. Гоголь сообщил другу: «Арендт совершенно забыл и об тебе и о твоей болезни <...> он советовал написать к тебе, чтобы ехал скорее на Кавказ...» [19, т. 10, с. 198].

Школа располагалась в бывшем дворце графа И.Г. Чернышева на набережной Мойки у Синего моста. После зачисления, весной 1829 г., Данилевский переехал туда, и Гоголю пришлось снимать квартиру в одиночку. В письме матери от 30 апреля 1829 г. он жаловался: «Когда еще стоял я вместе с Данилевским, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана» [19, т. 10, с. 140]. Все отпуска в воскресные и праздничные дни Данилевский проводил у Гоголя, «тем более, что других знакомых у него не было» [10, т. 1, с. 153]. Об этом сообщил и гоголевский слуга: Данилевский «в качестве родственника» приходил к другу по праздникам, когда юнкеров отпускали из Школы [21, с. 303]. Дорога не занимала много времени: Гоголь в то время жил неподалеку от Синего моста [11, с. 220–221].

Внимательное чтение писем Гоголя убеждает в том, что он, в свою очередь, навещал Данилевского в стенах учебного заведения, был осведомлен о происходящих там событиях, деталях юнкерского быта и досуга; через Данилевского знакомился с учащимися и их наставниками. Окружение товарища стало существенной частью гоголевской «среды обитания». При этом фрагменты писем, связанные со Школой юнкеров и ее ролью

8 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 299. Л. 496–496 об.

9 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 300. Л. 47 об. – 48.

10 РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 306. Л. 21–21 об., 30; РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 219.

в жизни Гоголя, как правило, вполне понятны лишь «посвященным»; затрагиваемые в них детали и обстоятельства хорошо известны только автору и адресату — его близкому другу. Задача истолкования этих загадочных реалий определяет направления возможных поисков.

Такова, например, просьба, содержащаяся в недатированной записке Гоголя Данилевскому (комментаторы предположительно относят ее к 1831 г.):

То место еще не вакантное, как говорит Плетнев. Правда, инженер этот сначала отказывался по причине уменьшения ему жалованья, но после взялся снова. Впрочем, он ничего не знает про происшествие, случившееся с ним на днях; с своей же стороны рад всеми силами действовать в мою пользу. Но я не решился сегодня явиться по его совету к вашему генералу, потому что и неприятно и конфузно будет для меня, если объявит он мне о невозможности выполнить по этой причине моего желания. И потому я прошу тебя узнать, сколько можно пообстоятельнее, про это дело и если нельзя сегодня, то, по крайней мере, завтра уведомить меня [19, т. 10, с. 197].

Исследователям до сих пор не был ясен смысл этого письма, нередко публиковавшегося без всякого комментария. В частности, ранее не отмечалось, что речь здесь идет о наличии вакантного места в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Между тем такой вывод можно сделать непосредственно из текста записки, рассмотрев все содержащиеся в нем указания: Гоголь просит выяснить положение дел своего приятеля Данилевского, который учится именно там; упоминает генерала — командира Школы; пишет об инженере — вероятно, одном из ее учителей (среди них было немало военных инженеров), а также ссылается на П.А. Плетнева, преподававшего там же русскую словесность в период с 14 мая 1830 г. по 28 сентября 1832 г.¹¹ [43, приложения, с. 11; 8, с. 140].

Стоит отметить, что Плетнев в качестве профессора Школы был ценным воспитанниками и коллегами. Данилевский позднее вспоминал: «Он говорил очень хорошо, но особенно не выдавался; он только что поступил еще на службу и, видимо, конфузился. Товарищи и ученики его любили»

11 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 84 об.

[10, т. 1, с. 349]. Один из юнкеров Иван Вуич записал в своем дневнике¹² впечатления о новом наставнике: «Плетнев превзошел еще сегодня все мои об нем ожидания. Он говорит прекрасно, заманчиво — план преподавания его легкой и приятной: он сначала хочет дать нам высшие правила риторики, а потом заняться разбором лучших произведений российской словесности — одним словом, я остался в восхищении от этой лекции»¹³. 9 августа 1830 г. Плетнев читал и разбирал с учениками «Марфу Посадницу» Н.М. Карамзина, 16 августа — «Каллифена» Д.И. Фонвизина, 10 декабря — «Полтаву» А.С. Пушкина, которую назвал лучшим его произведением¹⁴.

Установив, что гоголевская записка касается Юнкерской школы, мы можем приблизительно датировать ее. Она была написана не позднее 6 апреля 1831 г., когда Данилевский был уволен из Школы¹⁵. С другой стороны, упоминание Плетнева указывает на период с конца 1830 г., когда, вероятно, состоялось его знакомство с Гоголем [7, с. 207]. Эту датировку подтверждает и заинтересованность Гоголя в новом месте службы, связанном с преподаванием (в конце 1830 — начале 1831 г. он при помощи Плетнева находит частные уроки, пишет прошение об увольнении из Департамента уделов и устраивается учителем истории в Патриотический институт; в письме матери от 16 апреля 1831 г. сообщает о планах с осени преподавать еще в трех учебных заведениях [19, т. 10, с. 194]).

Но какого именно инженера и какую вакансию имеет в виду Гоголь? Среди педагогов Школы в 1830–1831 гг. было несколько военных инженеров: преподаватель русской словесности В.А. Половцов [35, т. 14, с. 377–378], а также учителя истории, географии, топографии, фортификации, тактики и математики [43, с. 21, 37–38, приложения, с. 6, 8–9; 28, ч. 1, с. 222]. Гоголь мог претендовать на место преподавателя или его помощника, повторявшего с воспитанниками пройденный материал и заменявшего основного наставника в случае его болезни. Вероятнее всего, Гоголя привлекало

12 Неопубликованный «журнал» конногвардейца Ивана Васильевича Вуича (1829–1830 гг.) — важнейший источник по истории Школы, позволяющий увидеть изнутри ее повседневную жизнь; содержит записи о лекциях, экзаменах, преподавателях, строевых занятиях, быте и развлечениях юнкеров, столичных культурных событиях (спектаклях, концертах и т. д.). Хранится в ОР РГБ (Ф. 218. № 58. Тетради 17, 18).

13 ОР РГБ. Ф. 218. № 58. Тетрадь 18. Л. 53, запись от 14 мая 1830 г.

14 Там же. Л. 80, 82, 128.

15 По сведениям В.И. Шенрока, Данилевский покинул Школу юнкеров в марте 1831 г. [10, т. 1, с. 349].

место учителя русской словесности. В записке утверждается, что Плетнев «рад всеми силами действовать» в пользу Гоголя, т. е. рекомендовать его командиру Школы как способного педагога. Судя по архивным материалам, при выборе кандидатуры на должность преподавателя учитывалось мнение того профессора, который вел соответствующий предмет. Следовательно, ходатайство Плетнева могло помочь Гоголю поступить на место учителя русской словесности. В таком случае упомянутый в письме инженер, который занимал привлекавшую Гоголя должность, — это В.А. Половцов. Из документов Школы известно, что «гвардейских инженеров штаб-капитан Половцов 1-й» был принят на службу 28 ноября 1830 г. («с производением ему жалованья по тысяче рублей в год наравне с прочими учителями») вместо уволенного по прошению чиновника Тяжелова, «обучающего российской словесности во 2-х классах»¹⁶. Однако Половцов не задержался в учебном заведении: уже 5 мая 1831 г. командир Школы П.П. Годейн докладывал начальству: «Преподающий во 2-х классах <...> военному слогу гвардии инженер штаб-капитан Половцов письменно отнесся ко мне, что слабость здоровья его и обстоятельства не позволяют продолжать служения при школе»¹⁷. На место Половцова в конце мая 1831 г. был назначен по рекомендации П.А. Плетнева подпоручик артиллерии В.А. Майков, ставший помощником профессора российской словесности, т. е. самого Плетнева¹⁸. Возможно, именно эту вакансию, позднее занятую Майковым, надеялся получить Гоголь. Тем не менее нельзя исключить, что он был готов взяться за преподавание и некоторых других дисциплин (из числа перечисленных выше), которыми интересовался с гимназических времен [6, с. 220–221]; обучению географии он посвятил специальную статью [18]; см. подробнее: [4, с. 796–797]. Кроме того, педагогическое кредо Гоголя предусматривало, в соответствии с «духом времени», стремление к универсальности, разносторонности [7, с. 208].

Замечание Гоголя о «происшествии», случившемся с инженером, также имеет фактическую основу. С учителями Школы действительно происходили неприятности, связанные с поведением воспитанников: многие педагоги (в том числе преподаватель географии Г.П. Близначев, о кото-

16 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 174; РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 299. Л. 545–545 об, 570 об.

17 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 300. Л. 229 об.

18 Там же. Л. 255 об.–256, 509, 511.

ром речь пойдет ниже) подвергались издевательствам юнкеров, постоянно изводивших наставников своими, подчас весьма грубыми, проделками при попустительстве школьного руководства [12, с. 40–44]. При этом за исполнением служебных обязанностей самими преподавателями наблюдал инспектор классов, строго отчитывавший их за беспорядок на занятиях (подобный случай описывается в дневнике Ивана Вуича¹⁹); кроме того, начальство из Штаба гвардейского корпуса следило за тем, чтобы учителя не пропускали уроков без уважительных причин²⁰.

Чтобы получить желаемое место, Гоголь должен был явиться к упомянутому в письме «генералу» — командиру школы генерал-майору Павлу Петровичу Годейну (Годеину), занимавшему эту должность до 6 ноября 1831 г. Гоголь, видимо, не решился нанести этот визит, поскольку не был уверен в том, что сведения о наличии в Школе вакансии верны.

Такая трактовка письма позволяет высказать предположение о значении еще одной недатированной записки Гоголя, также адресованной Данилевскому:

Заходи, пожалуйста, ко мне, когда выйдешь из дому; мне хочется поговорить с тобою об одном деле, а между прочим и о том, о чем ты намекнул мне вчера, что меня очень интересует [19, т. 10, с. 197].

Вероятно, Данилевский «намекнул» другу, что в Школе юнкеров должна образоваться вакансия, которую Гоголь мог бы занять. Заинтересовавшись такой возможностью, Гоголь обратился за помощью к Плетневу. Развитие событий нашло отражение в рассмотренном выше письме («То место еще не вакантное...»). В итоге Гоголь по какой-то причине не поступил на службу в Школу гвардейских подпрапорщиков, но все же подобную перспективу рассматривал.

С Юнкерской школой связаны также строки из более позднего послания Гоголя Данилевскому — от 2 мая 1831 г. К этому времени Данилевский уже оставил учебу и отбыл из Петербурга на родину (сообщение об отъезде из Петербурга «неслужащего дворянина Данилевского» 29 апре-

19 ОР РГБ. Ф. 218. № 58. Тетрадь 18. Л. 27 об.

20 См., например: РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 299. Л. 174.

ля 1831 г.²¹ было опубликовано в газете: [34, с. 957]). Гоголь сообщает приятелю последние новости, касающиеся их общих знакомых:

С друзьями твоими, Беранжером и Близнецовым, случились несчастья. Первый долго скитался без приюта и уголка, изгнанный из ученого сообщества Смирдина неумолимым хозяином дома, вздумавшим переделять его квартиру. Три дня и три ночи не было вести о Беранжере, наконец, на четвертой день увидели на окошках дому графини Ланской (где были звери) Хозрезов на белых лошадях, а бедный Близнецов сошел с ума. Вот что наши знания! [19, т. 10, с. 198–199].

Комментаторы ранее высказывали мнение, что Беранжер — «литературное» прозвище, данное Гоголем одному из приятелей. Об этом гоголевском «обычае» сообщил П.В. Анненков: «...он дал всем своим товарищам по Нежинскому лицу и их приятелям прозвища, украсив их именами *знаменитых* французских писателей, которыми тогда восхищался весь Петербург. Тут были Гюго, Александры Дюма, Бальзаки и даже один скромный приятель, теперь покойный, именовался София Ге. Не знаю, почему я получил титул Жюль Жанена» [13, с. 243]. Предполагалось, что Беранжером мог быть назван поэт нежинского кружка В.И. Любич-Романович [19, т. 10, с. 434].

Однако, как можно заключить из текста письма, «квартира» Беранжера имела непосредственное отношение к книжному магазину и библиотеке известного петербургского книготорговца и издателя А.Ф. Смирдина, скорее всего, находилась в том же доме у Синего моста, на углу набережной Мойки и Вознесенского проспекта. Это дает основание иначе объяснить гоголевские строки. По сообщению «Северной пчелы», «на одной лестнице с Библиотекою Смирдина», «у Синего моста на углу, против Школы гвардейских подпрапорщиков» располагалась кондитерская Т. Беранже [37]. Лавка Беранже, по словам корреспондента, была «отделана великолепно и красиво»: «все в готическом вкусе, даже часы и весы»; три комнаты украсе-

21 В.И. Шенрок указывает другую дату отъезда Данилевского из Петербурга: 28 апреля 1831 г. [10, т. 1, с. 349], вероятно, исходя из того, что этим числом датирована записка Гоголя, переданная матери через Данилевского: «Примите радушно нашего Александра Семеновича. Это вестник о моем прибытии на следующий год» [19, т. 10, с. 198].

ны «зеркалами, бронзою, мебелью из ясневого, красного и орехового дерева»; «все чисто и прекрасно; журналов много, русских и иностранных» [37]. Автор заметки отмечал, что г. Т. Беранже давно славится «превосходством конфетов и других лакомств» [37; 15, с. 74].

Воспитанники Юнкерской школы были завсегдатаями заведения Беранже. В то время, несмотря на строгие правила, в Школе преобладало «кутильное направление»: юнкера и подпрапорщики находили способы, обходя правила, вести «самостоятельную и разгульную жизнь»: курили трубки, играли в карты, устраивали по ночам пирушки, покидали Школу в неурочное время, посещали рестораны, кондитерские и т. д. [12, с. 24–34, 39]. Один из выпускников Школы вспоминал: «Кондитерская Беранже была самым любимым местом юнкеров по воскресеньям и по будням; она была в то время лучшей кондитерской в городе, но главное ее достоинство состояло в том, что в ней отведена была отдельная комната для юнкеров, за которыми ухаживали, а, главное, верили им в долг. Сообщение с ней велось в Школе во всякое время дня; сторожа непрерывно летали туда за мороженым и пирожками. В те дни, когда юнкеров водили в баню, этому Беранже была большая работа: из его кондитерской, бывшей наискось от бани, носились и передавались в окно подвального этажа, где помещалась баня, кроме съестного, ликеры и другие напитки» [12, с. 31]. Соседство со Школой юнкеров и магазином Смирдина, служившим своего рода книжным клубом, обеспечивало кондитерскую клиентурой.

Хозяин заведения — выходец из швейцарского Давоса по имени Тобиас Брангер, или Бранже (Tobias Branger), — называл себя на французский лад «Беранже» [44, bd. 2, s. 655]. Гоголь, вероятно, был с ним знаком и посещал его кондитерскую, скорее всего, в компании Данилевского и, возможно, кого-то из его товарищей по Школе юнкеров. Позднее, в 1834 г., Т. Беранже вместе с другим швейцарцем С. Вольфом владел известной кондитерской («Китайской кофейней») на углу Невского проспекта и Набережной Мойки (ныне Невский пр., 18), где в то время бывали многие знаменитые литераторы, в том числе Пушкин.

Возможно, весной 1831 г. Беранже, «изгнанный» из арендуемого помещения «неумолимым хозяином дома, вздумавшим переделывать его квартиру», мог найти новое пристанище по соседству с прежним, где именно — сложно определить однозначно по замысловатому шутивому

указанию Гоголя, отсылающему к их общим с Данилевским воспоминаниям и содержащему понятные лишь им намеки («...увидели на окошках дому графини Ланской (где были звери) Хозрезов на белых лошадях»). В Петербурге Ланским (в то время еще не имевшим графского титула) принадлежало несколько домов, некоторые располагались неподалеку от Синего моста. В частности, на углу Вознесенского проспекта и Офицерской улицы (ныне ул. Декабристов) находился дом действительной статской советницы Ланской (№ 155 2 Адм. части) [32, с. 20, 140], рядом с которым в доме Лихонина (№ 156 2 Адм. части) [32, с. 145] помещался в начале 1831 г. Большой зверинец братьев Леман [33, с. 7; 38]; о зверинце Лемана см. также запись в дневнике А.В. Никитенко от 22 апреля 1831 г. [30, т. 1, с. 106]; возможно, с этим связано гоголевское упоминание «зверей» (кроме того, на жаргоне гвардейской Школы «зверьями» назывались воспитанники первого года обучения [16, с. 5]). Известен также дом Ланского на набережной Мойки (на участке д. № 84 по Мойке и № 15 по переулку Пирогова) рядом со Школой юнкеров, где в 1832 г. снимала квартиру Е.А. Арсеньева, бабушка М.Ю. Лермонтова [5, с. 104–106]. Кроме того, семья Одоевских-Ланских имела домовладения на Большой Морской улице, № 63, 65 [2, с. 202], и на Дворцовой набережной, на углу Мошкова переулка, где жил князь В.Ф. Одоевский, состоявший в браке с О.С. Ланской [3, т. 2, с. 110].

Беранже и позднее содержал кондитерские в том районе, в котором размещалась его лавка в 1831 г. В 1837 г. одно из его заведений находилось в доме № 1 по Вознесенскому проспекту [31, с. 1446].

Гоголевская фраза о «Хозревах на белых лошадях», по всей видимости, является отзвуком нашумевшего визита в столицу персидского посланника — принца Хозрева-мирзы (1813–1875), который прибыл в Россию в 1829 г., чтобы принести извинения за разгром российской дипломатической миссии в Тегеране. В Петербурге принцу был устроен торжественный прием, он посетил множество мероприятий и частных домов, а также осмотрел ряд столичных достопримечательностей и казенных учреждений, в том числе Школу юнкеров, в которой тогда учился Данилевский, «познакомился с ее начальством, преподавателями и воспитанниками и с большим интересом осмотрел помещения школы и учебные занятия» [1, с. 383]. Личность Хозрева-мирзы «очень заинтересовала петербургское общество; особенно дамы были от него в восхищении и не давали ему проходу на

гуляньях» [23, с. 184]. По свидетельству очевидца, в день приезда принца в Петербург у Таврического дворца, где его ожидали, «стечение народу было ужасное»²². «Теперь по всему Петербургу один только разговор: о Хозрев Мирзе, внуке Персидского Шаха. Вчера была ему аудиенция у Государя...»²³. Поведение персидского гостя породило множество слухов: «...на этого Мирзу много выдумывают вздоров, да и как может быть иначе, естли весь город, начиная от вельмож и до последнего извозчика беспрестанно об нем толкует»²⁴.

Принца неоднократно изображали художники. Так, сцену его приема в Зимнем дворце запечатлел на полотне ученик Венецианова А.Г. Денисов (см. свидетельство художника А.Н. Мокрицкого, однокашника Гоголя по Нежинской гимназии [29, с. 95]). Портрет Хозрева-мирзы выполнил акварелью на кости актер П.А. Каратыгин; его работа была подарена принцу в Большом театре [23, с. 184–185]. Во время пребывания посольства в Москве художник Карл Гампельн сделал портреты принца и его свиты. Конный портрет юного посла нарисовал карандашом Э. Гаузер [1, с. 391, 382]. Литографии с изображением персидского принца продавались в столичных лавках: 24 августа 1829 г. «Северная пчела» сообщала, что «рисованный с натуры литографированный портрет *персидского принца Хозрев-мирзы*, отличающийся разительным сходством и прекрасною отделкою» поступил в продажу в книжной лавке Брифа, расположенной в доме Гунаропуло на Большой Морской улице у Синего моста [36], т. е. в непосредственной близости от Школы юнкеров и кондитерской Беранже. Возможно, в гоголевском письме говорится о таких литографиях, выставленных в окне лавки.

Известно также, что «один искусный кондитер поднес Хосрову его изображение на коне, сделанное из сахара; принц был весьма доволен и решил отвезти это произведение в Персию» [1, с. 396]. Не исключено, что под «Хозревами на белых лошадях» Гоголь имел в виду именно такие сахарные фигурки, произведенные Беранже. Кондитеры тогда предлагали покупателям «все видимые предметы на земном шаре *осахаренными*» [39]. В одной из ла-

22 Запись в дневнике И.В. Вуича от 4 августа 1829 г. // ОР РГБ. Ф. 218. № 58. Тетрадь 17. Л. 110 об.

23 Запись от 11 августа 1829 г. // ОР РГБ. Ф. 218. № 58. Тетрадь 17. Л. 112 об.

24 Там же. Л. 113.

вок, например, продавались «сахарные куколки, домики, деревья и т. п.» [39]. Галерея в кондитерской Вольфа и Беранже на Невском проспекте «превратилась в сахарный музей», в котором были представлены «сахарные лица с барельефными изображениями Августейших Членов Высочайшей Фамилии», «литые группы» предметов «священного содержания», «бесчисленное множество лиц из шоколада» [41, с. 280].

Когда Гоголь осенью 1829 г. вернулся из заграничной поездки, персидская делегация еще не покинула столицу, поэтому он мог быть свидетелем некоторых событий, связанных с этим визитом, или узнать о них от друзей, в том числе от Данилевского. Позднее эти впечатления нашли свое отражение в повестях: Хозрев-мирза, согласно охватившим город слухам, замечает в Таврическом саду прогуливающийся Нос майора Ковалева и удивляется столь «странной игре природы» («Нос») [19, т. 3, с. 72], а в картинной лавочке на Шукином дворе, куда зашел художник Чартков, выставлен гравированный портрет персидского принца «в бараньей шапке» («Портрет») [19, т. 3, с. 79].

В письме Гоголь называет еще одно имя, имеющее непосредственное отношение к Юнкерской школе: Близнецов. Уже отмечалось, что это Гавриил Павлович Близнецов, учитель истории в Патриотическом институте [3, т. 2, с. 110]. Найденные архивные материалы дают возможность в общих чертах восстановить его биографию. Он родился около 1801 г., происходил из духовного сословия, окончил Московскую вифанскую семинарию, учился в 1817–1822 гг. на философско-юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, из которого «был выпущен прежде окончания курса для определения в Девичье училище Военно-сиротского дома»²⁵, впоследствии преподавал еще в нескольких учебных заведениях Петербурга²⁶. В Школе юнкеров он вел географию в 1830–1831 гг.²⁷ [43, приложения, с. 10]; в Патриотическом институте — историю в 1829–1831 гг. [14, с. 50, 235], в Смольном и Павловском институтах — русский язык, историю и географию в 1822–1830 гг. [42, т. 3, с. 432, 434; 25, ч. 1, с. 815; 26, ч. 1, с. 807–808;

25 Формулярный список от сентября 1825 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1893. Л. 4 об. – 5.

26 Формулярный список от 7 апреля 1831 г. // РГИА. Ф. 799. Оп. 94. Д. 15. Л. 97–99.

27 Приказ от 13 мая 1830 г. о принятии чиновника Близнецова в Школу учителем географии на место поручика гвардейских инженеров Резвого (РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 84 об.).

27, ч. 1, с. 856]; в 1830 г. имел чин титулярного советника²⁸. Сохранились воспоминания о нем одной из воспитанниц Патриотического института: «Мы очень любили всеобщую историю, и учитель наш, покойный Близнецов, умел не только поддержать любовь эту, но усилил ее своими живописными рассказами. Мы всегда, как праздника, ожидали его класса; у него все оживало и становилось живыми картинами: Троянская война рассказывалась так же просто и поэтично, как у Гомера, Марафонская битва, смерть Сократа, речи Демосфена волновали нас так, как бы все это воочию совершалось. Так прошли мы с Близнецовым почти всю древнюю историю, зная хронологические таблицы не хуже таблички умножения» [22, с. 161–162]. Преподавал Близнецов и в известном петербургском пансионе Журдана: бывший питомец этого частного заведения позднее отзывался о Близнецове как об «отличном учителе» географии, прекрасно владевшем и другим предметом — историей [20, с. 23].

Данилевский знал Близнецова по Юнкерской школе, а Гоголь мог познакомиться с ним в Патриотическом институте или услышать о нем от Плетнева, служившего там инспектором классов и преподававшего в разных столичных заведениях, включая Школу юнкеров.

Близнецов был принят в Школу учителем географии по рекомендации профессора истории и географии К.И. Арсеньева, который аттестовал его как «весьма знающего и умеющего преподавать сию часть»²⁹. Записи об уроках Близнецова содержатся в дневнике юнкера Ивана Вуича: «...явился к нам какой-то учитель географии Близнецов, просидел 2 часа, ничего не сделал и оставил о себе очень худое мнение»³⁰; «Сегодня Близнецов читал нам лекцию географии так хорошо, что мы слушали с довольною приятностию этот по-видимому сухой предмет»³¹; «Близнецов хотя у нас и был сегодня, но класс его не принес никакой пользы»³²; «Близнецов болтал пустяки, а завтра хотел нам дать переписывать тетрадку»³³; «Сегодня Близнецов, и был, разумеется, очень доволен моими ответами из *географии*»³⁴.

28 ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1893. Л. 8.

29 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 299. Л. 209 об.

30 Запись от 19 мая 1830 г. // ОР РГБ. Ф. 218. № 58. Тетрадь 18. Л. 56 об.

31 Запись от 2 июня 1830 г. // Там же. Л. 62 об.

32 Запись от 1 сентября 1830 г. // Там же. Л. 90.

33 Запись от 8 сентября 1830 г. // Там же. Л. 92.

34 Запись от 15 сентября 1830 г. // Там же. Л. 95 об.

Общение преподавателей и офицеров Школы с воспитанниками нередко выходило за формальные рамки и имело дружеский характер, но в некоторых случаях учителя становились жертвами жестоких шалостей юнкеров. Такая участь постигла и Блинецова, которого один из бывших учеников Иван Анненков описывал позднее как «очень некрасивого собой и всегда грязно одетого» [12, с. 42]. По словам мемуариста, «ничтожная фигура» Блинецова не вызывала сильной неприязни у воспитанников, но он «надоел» им «до крайних пределов» «самыми мелочными требованиями», «затяев подтянуть» их и «завести в классе порядок»: «потребовал, чтобы в классе не разговаривали, сидели смирно, занимались его предметом, посторонних книг не читали», запретил выходить из класса без его разрешения, «на что юнкера смотрели как на посягательство на их права» [12, с. 42]. Эта «мера дала повод сначала к самым площадным фарсам»; Блинецов пожаловался начальству, одного из его обидчиков «нарядили в наказание не в очередь на дежурство» [12, с. 42]. Юнкера, в свою очередь, «решили дать Блинецову маленький урок, который вышел, однако, далеко не маленьким»: во время вечерних занятий они по сигналу потушили все свечи, в наступившей темноте накинулись на преподавателя и начали его избивать, так что он был вынужден спастись бегством [12, с. 42–43]. По указанию Анненкова, это случилось в первый день его поступления в Школу, т. е. в конце января – начале февраля 1831 г.³⁵ [12, с. 27, 42]. «Блинецов после этого был недолго учителем в Школе, — он был заменен другим. Заслуживает внимания, что он решился продолжать курс, ходил в классы, но был только уже не тот, что до истории» [12, с. 43].

Это происшествие, видимо, пагубно повлияло на душевное и физическое здоровье Блинецова: вскоре он заболел и умер. По имеющимся сведениям, весной 1831 г. он прекратил преподавание из-за болезни: в приказе от 6 февраля 1831 г. чиновник 9-го класса Блинецов еще был упомянут в списке учителей Школы, получивших поощрение за службу³⁶, но уже 11 мая 1831 г. вышло распоряжение о замене преподавателя географии Блинецова на время его болезни поручиком Тихановым, «состоящим в артиллерийском училище», «с производством ему за время такового занятия жалова-

35 См. приказ от 27 января 1831 г. о зачислении И. Анненкова кандидатом (РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 197 об.).

36 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 200 об.

нья из 1000 рублей в год»³⁷. Согласно свидетельству И.Г. Головина, Блинецов «убил себя» [20, с. 23]. Это произошло, вероятно, осенью 1831 г. [17, т. 1, с. 735; 3, т. 2, с. 110].

После смерти Блинецова Гоголь вел занятия историей в его прежнем классе Патриотического института. Одна из учениц вспоминала: «Вдруг Блинецов заболел; долго ждали его, но он не являлся, потом разнесся слух, что он умер. Мы его сердечно оплакали как доброго, умного и занимательного учителя» [22, с. 162]. Позднее инспектор классов Плетнев представил воспитанницам Гоголя как нового учителя истории, заменившего покойного Блинецова [22, с. 162].

Гоголь возвращается мыслями к Юнкерской школе и в письмах Данилевскому конца 1832 г. В это время Гоголь жил в Петербурге, а Данилевский оставался на родине, в Полтавской губернии, раздумывая о возможном устройстве на службу в Одессе или в Петербурге. Гоголь, склонявший его избрать второй вариант, в письме от 13 декабря 1832 г. уверял товарища, что зима в столице не слишком сурова:

Стыдно тебе не написать ко мне ни строчки. Я от маминьки слышу, что ты уже не едешь в Петербург, а думаешь служить в Одессе. Если этому виною, как говорят, холод, который ты воображаешь найти в Петербурге, то уверяю тебя, что здесь теперь теплее, нежели у нас, в Малороссии. Вот уже ползимы, слава богу, а еще не было ни одного порядочного морозу. — Термометр постоянно показывает или 2 или один градус тепла. Ты всё меряешь Петербург по параду, на котором заставляли тебя мерзнуть несколько часов Звегинцов и Гудим [19, т. 10, с. 251].

Предположительно в письме идет речь о параде в честь столетия Измайловского и Конного гвардейских полков 22 сентября 1830 г., на котором Гоголь присутствовал («возможно, по приглашению Данилевского»), а затем описал его в письме матери от 29 сентября 1830 г. [3, т. 2, с. 78]. Во время учебы в Школе юнкеров Данилевскому приходилось участвовать в различных смотрах, маршах и парадах, которым предшествовали многодневные репетиции и учения, проводившиеся и в холодную

37 Там же. Л. 231 об.

погоду, что, по всей видимости, не лучшим образом сказывалось на его здоровье.

За строевую подготовку пехотинцев в Школе отвечал упомянутый Гоголем Александр Ильич Звегинцов (1801–1849), капитан лейб-гвардии Преображенского полка, командир роты подпрапорщиков в 1824–1830 гг. [28, ч. 1, с. 156, 221; 42, приложения, с. 1]. По словам мемуариста, подпрапорщики, не любившие своего ротного командира, сложили четверостишие: «Избави, Боже, нас от молнии и грома / И Чернышева дома, / От огня и меча / И Александра Ильича» [12, с. 24]. Кавалеристами руководил полковник Кавалергардского полка Константин Иванович Гудим-Левкович (1797–1852), командир эскадрона Школы в 1826–1832 гг. [28, ч. 1, с. 202, 221; 42, приложения, с. 3]. О нем бывший воспитанник писал: «...иногда раскричится, но не помнит долго вины, а когда захочет приласкать юнкера, показать ему свое расположение, то трудно найти человека более симпатичного» [12, с. 23]. Данилевский сначала состоял в отделении подпрапорщиков, а затем перевелся в класс кавалерийских юнкеров, поэтому ему довелось проходить обучение под началом обоих командиров, ротного и эскадронного.

Гоголю не случайно запомнился многочасовой парад, на котором мерз Данилевский. «Строевому образованию» в Школе юнкеров отдавалось предпочтение по сравнению с «научными занятиями» [43, с. 48]. Это подтверждается дневником Ивана Вуича, содержащим немало записей о разнообразных пеших и конных учениях, «парадировках», караулах и т. д.; в частности, 12 октября 1830 г. воспитанники «парадировали» перед приехавшим в Школу с очередной инспекцией Великим князем³⁸. Позднее через подобную муштру пришлось пройти М.Ю. Лермонтову, проведенному в Школе два года: с 1832 по 1834 [5, с. 129–130; 8, с. 139]. Этот опыт отразился в его стихотворении 1833 г. «Юнкерская молитва»: «От маршировки / Меня избавь, / В парадировки / Меня не ставь» [24, т. 1, с. 397].

В том же письме Гоголь, сообщая приятелю свой новый адрес («...в Новом переулке, в доме *Демут-Малиновского*»), добавляет: «Это очень близко возле твоего гнезда, твоих воспоминаний — Юнкерской школы» [19, т. 10, с. 251].

38 ОР РГБ. Ф. 218. № 58. Тетрадь 18. Л. 107 об. – 108.

В письме Данилевскому от 20 декабря 1832 г. Гоголь снова касается этой темы, воскрешая в памяти и воображении связанные со Школой обстоятельства:

Получивши от тебя письмо, я получил такую о тебе живую идею, что когда встретил близ Синего мосту шедшего подпрапорщика, то подумал про себя: Нужно зайти к нему. Его верно не пустили за невзноску денег в казну за чичеры <?> и поворотил к школе и уже спросил солдата на часах, был ли сегодня великий князь и не ожидают ли его, да после опомнился и пошел домой. Прощай! Где бы ни был ты, желаю, чтоб тебя посетил необыкновенный труд и прилежание такое, с каким ты готовился к школе, живя у Иохима. Это лекарство от всего [19, т. 10, с. 252].

Гоголю представилось, что друга не отпускают из Школы в выходной день в наказание за то, что он не оплатил «чичеры» — возможно, чикчиры, форменные кавалерийские брюки, внутренняя часть которых делалась из кожи. Данилевский должен был приобрести их, когда весной 1830 г. перевелся из пехоты в кавалерию. По словам И.В. Анненкова, юнкерская кавалерийская форма внушала ему чувство превосходства перед пехотинцами-подпрапорщиками [12, с. 26]. Поступившие в Школу также должны были внести 509 руб. в «артельную сумму», расходующуюся «для улучшения пищи и производства мелких расходов» [43, с. 7–8]. В марте 1830 г. «деньги в артель» были получены с «подпрапорщика Данилевского»³⁹.

Упоминание в этом контексте Великого князя Михаила Павловича, которому тогда подчинялась Школа, объясняется тем, что в день его визита навестить проштрафившегося приятеля Гоголю не удалось бы: в подобных случаях за порядком следили особенно строго.

В том же письме Гоголь возвращает товарища к событиям трехлетней давности, относящимся к первым месяцам их пребывания в столице, когда Данилевский прилежно трудился, готовясь к вступительным экзаменам в Школу юнкеров. Друзья жили тогда в доме каретного мастера Иохима на Большой Мещанской улице.

39 РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 298. Л. 15.

Внимательное изучение писем Гоголя, архивных материалов и печатных источников позволяет в определенной мере воссоздать одну из сторон его петербургской жизни в 1829–1831 гг. Она отразилась не только в его эпистолярной, но и в художественных текстах. В частности, «бедный Блинецов», скромный любитель «знаний», не переживший оскорбления, по складу личности и обстоятельств сопоставим с героями «Шинели», «Записок сумасшедшего», «Ивана Федоровича Шпоньки». Нравы и пристрастия юнкеров, будущих гвардейцев, узнаваемы в гоголевских образах офицеров «средней руки», в основном «поручиков», составляющих «какой-то средний класс общества» («Невский проспект») [19, т. 3, с. 34]. Возглавляет эту галерею поручик Пирогов: он и подобные ему господа имеют множество талантов, например «пускать из трубки дым кольцами» и забывать об оскорблении, съев два слоеных пирожка в кондитерской («Невский проспект») [19, т. 3, с. 35, 45]. Это «прекраснейшие» люди, которые «не выпускают изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах» («Мертвые души») [19, т. 6, с. 32]. Они «пьют выморозки» и «танцуют мазурку», самые «образованные» из них — «страшные игроки в банк»: хотя и служат в пехоте, но проигрывают «мундир, фуражку, шинель, темляк и даже исподнее платье, что не везде и между кавалеристами можно сыскать» («Иван Федорович Шпонька») [19, т. 1, с. 286]. К этой же когорте принадлежит «славный» штабс-ротмистр Поцелуев с выдающимися усами, называющий Бордо «просто бурдашкой», и поручик Кувшинников, «премилый человек», «во всей форме кутила», готовый «и в гальбик, и в банчишку, и во всё, что хочешь», и отчаянный поручик, одолеваемый «бранным задором», и «охотник до сапогов» из Рязани, примеряющий в ночной тиши пятую пару («Мертвые души») [19, т. 6, с. 65–66, 86–87, 153]. Гоголевские «поручики» «с большим чувством» пишут о том, что жизнь течет «в эмпириях»: «...барышень много, музыка играет, штандарт скачет» («Ревизор») [19, т. 4, с. 17]. Они мастера говорить с дамами: «Как они делают, бог их ведает: кажется, и не очень мудреные вещи говорят, а девица то и дело качается на стуле от смеха» («Мертвые души») [19, т. 6, с. 169]. Облик подобного «удалого вояки», отвечающий общепринятым представлениям, иронически обрисован Гоголем и в «Отрывке»: «В военной службе всё же нужно, чтобы и на лошади лихо ездил, и голос бы имел звонкий, и рост бы имел богатырский, и талию»; герой пьесы не желает «начинать с юнкеров»,

поскольку у него телосложение «совершенно не военное»: он «толстенок немножко», и «юнкерский мундир с короткими хвостиками» будет на нем нелепо смотреться [19, т. 5, с. 123–124]. Гоголевские поручики приезжают очень редко в свои деревни, но при том «страшные реформаторы»: исправляют дела в имении, «накупив шесть прекрасных английских серпов» и «приколотив к каждой избе особенный номер»; они ездят по всем ярмаркам, но покупают только то, «что не превышает всем оптом своим цены одного рубля» («Старосветские помещики») [19, т. 2, с. 38].

Как видно из приведенных примеров, такие фигуры в произведениях Гоголя обычно намечены несколькими штрихами, характерными деталями. «По единственному, подчас ординарному или второстепенному признаку» Гоголь «вытаскивает всего человека»; простые, порою лубочные герои наводят тем не менее «на бесконечные размышления по поводу их содержания»: «...как такое может стать с человеком и что означает в общечеловеческом смысле это состояние или душевное свойство, куда оно ведет, где берется и зачем вообще существует на свете» [9, с. 404]. Основой для создания подобных образов могло послужить, в частности, знакомство с укладом жизни обитателей Юнкерской школы.

«Юнкерский» сюжет, рассмотренный здесь сквозь призму новых архивных данных и малоизвестных в гоголеведении публикаций, позволяет восполнить один из пробелов биографии Гоголя, способствуя тем самым подготовке академического комментария к соответствующим реалиям его писем и в какой-то мере раскрывая истоки его позднейших художественных находок.

Список литературы

Исследования

- 1 *Боглачев С.В.* Персидский принц Хосров-Мирза в Петербурге // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. СПб.: Лики России, 2003. Вып. VI. С. 370–399.
- 2 *Бройтман Л.И., Краснова Е.И.* Большая Морская. СПб.: Папирус, 1997. 221 с.
- 3 *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.
- 4 *Дерюгина Л.В.* <Комментарий к статье Н.В. Гоголя «Мысли о географии»> // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2009. Т. 3. С. 796–813.

- 5 *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.: Русская панорама, 2003. 704 с.
- 6 *Иофанов Д.М.* Н.В. Гоголь. Детские и юношеские годы. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 432 с.
- 7 *Манн Ю.В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект-пресс, 2004. 812 с.
- 8 *Назарова Л.Н.* Лермонтов в Школе юнкеров // М.Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 139–152.
- 9 *Терц А.* <Синявский А.Д.> В тени Гоголя. London: Overseas publications interchance, 1975. 553 с.
- 10 *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1892–1897.
- 11 *Яцевич А.Г.* Пушкинский Петербург / примеч. Н. Поповой, В. Шубина. СПб.: О-во «Старый Петербург — Новый Ленинград», 1993. 430 с.

Источники

- 12 *Анненков И.В.* Воспоминания генерал-адъютанта И.В. Анненкова // Наша старина. 1917. № 3. С. 16–56.
- 13 *Анненков П.В.* Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года // Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1952. С. 230–316.
- 14 *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт: Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. / сост. по поручению Совета Патриотического Института Инспектор классов Института А.Ф. Бардовский. СПб.: Тип. «Т-ва Е. Вейерман и К°», 1913. 285 с.
- 15 *Бочагов А.Д.* Наша торговля и промышленность в старину и ныне: (Исторические очерки). СПб.: Тип. «Петербургской газеты», 1891. Вып. 1: Торговля предметами потребления. 193 с.
- 16 *Вадимов Е.* <Лисовский Ю.И.> Корнеты и звери: («славная школа»): очерки. Белград: Изд. Н.З. Рыбинского, 1929. 66 с.
- 17 Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. / изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
- 18 *Гоголь Н.В.* Несколько мыслей о преподавании детям Географии // Литературная газета. 1831. Т. 3. 1 января. № 1. С. 4–7; подпись: Г. Янов.
- 19 *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. [Б. м.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
- 20 *Головин И.Г.* Записки Ивана Головина. Лейпциг: В. Гергард, 1859. 216 с.
- 21 *Горленко В.П.* Миргород и Яновщина // Русский архив. 1893. № 3. С. 298–305.
- 22 Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // Семейные вечера. Отдел для юношества или семейного чтения. 1873. Май. С. 151–166.

- 23 *Каратыгин П.А.* Записки Петра Андреевича Каратыгина. 1805–1879. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1880. 336 с.
- 24 *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч.: в 5 т. М.; Л.: Academia, 1935–1937.
- 25 Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1824: в 2 ч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1824.
- 26 Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825: в 2 ч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1825.
- 27 Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1829: в 2 ч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1829.
- 28 Месяцослов и общий штат Российской империи на 1831: в 2 ч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1831.
- 29 *Мокрицкий А.* Воспоминание об А.Г. Венецианове и учениках его // Отечественные записки. 1857. Т. 115. Кн. 11. Отд. I. С. 81–102.
- 30 *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. [М.]: Гослитиздат, 1955–1956.
- 31 *Нистрем К.М.* Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. СПб.: В тип. III Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1837. 1464 с.
- 32 Нумерация домов в Санктпетербурге, с алфавитными списками проспектам, улицам, площадям, набережным, мостам, невским пристаням, городским въездам, соборным и приходским церквам, дворцам, монументам и владельцам домов / сост. при Канцелярии санктпетербургского военного генерал-губернатора. СПб.: [Б.и.], 1836. 734 с.
- 33 Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1831. 1 января. № 1.
- 34 Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1831. 2 мая. № 101.
- 35 Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1918.
- 36 Северная пчела. 1829. 24 августа. № 102.
- 37 Северная пчела. 1831. 13 сентября. № 207.
- 38 Северная пчела. 1831. 19 марта. № 62.
- 39 Северная пчела. 1831. 23 декабря. № 292.
- 40 *Супронюк О.К. Н.В.* Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии: Биобиблиографический словарь. Киев: Академперіодика, 2009. 252 с.
- 41 *Ф.Б. <Булгарин Ф.В>* Праздники и праздничные подарки // Северная пчела. 1841. 28 марта. № 70. С. 279–280.
- 42 *Черепнин Н.П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц: исторический очерк, 1764–1914: в 3 т. Пг.: Гос. тип., 1914–1915.
- 43 *Шкот П.П.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1898. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1898. 265 с.
- 44 *Historisches Lexikon der Schweiz.* Bd. 1–13. Basel, 2001–2014.

References

- 1 Boglachev, S.V. "Persidskii prints Khosrov-Mirza v Peterburge" ["Persian Prince Khosrov-Mirza in St. Petersburg"]. *Nevskii arkhiv: Istoriko-kraevedcheskii sbornik* [*Nevsky Archive: Local History Collection*], issue 6. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2003, pp. 370–399. (In Russ.)
- 2 Broitman, L.I., Krasnova, E.I. *Bol'shaia Morskaia* [*Bol'shaia Morskaia Street*]. St. Petersburg, Papyrus Publ., 1997. 221 p. (In Russ.)
- 3 Vinogradov, I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852). Nauchnoe izdanie: v 7 t.* [*Chronicle of N.V. Gogol's Life and Work (1809–1852): Academic Publ. in 7 vols.*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018. (In Russ.)
- 4 Deriugina, L.V. <"Kommentarii k stat'e N.V. Ggolia 'Mysli o geografii'."> [*"Commentaries on N.V. Gogol's Article 'Thoughts on Geography'."*]. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [*Full Collection of Works and Letters: in 23 vols.*], vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 796–813. (In Russ.)
- 5 Zakharov, V.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva M.Iu. Lermontova* [*Chronicle of M.Iu. Lermontov's Life and Work*]. Moscow, Russkaia panorama Publ., 2003. 704 p. (In Russ.)
- 6 Iofanov, D.M. *N.V. Gogol'. Detskie i iunosheskie gody* [*N.V. Gogol: The Years of Childhood and Youth*]. Kiev, AS of the UkrSSR Publ., 1951. 432 p. (In Russ.)
- 7 Mann, Iu.V. *Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845* [*Gogol: Works and Days: 1809–1845*]. Moscow, Aspekt-press Publ., 2004. 812 p. (In Russ.)
- 8 Nazarova, L.N. "Lermontov v Shkole iunkerov" ["Lermontov at the Cavalry Junkers School"]. *M.Iu. Lermontov: Issledovaniia i materialy* [*M.Yu. Lermontov: Research and Materials*]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 139–152. (In Russ.)
- 9 Terts, A. <Siniavskii, A.D.> *V teni Gogolia* [*In Gogol's Shadow*]. London, Overseas Publications Interchance, 1975. 553 p. (In Russ.)
- 10 Shenrok, V.I. *Materialy dlia biografii Gogolia: v 4 t.* [*Materials for Gogol's Biography: in 4 vols.*]. Moscow, Tipografiia A.I. Mamontova i K^o Publ., 1892–1897. (In Russ.)
- 11 Iatsevich, A.G. *Pushkinskii Peterburg* [*Pushkin's St. Petersburg*], notes by N. Popova, V. Shubin. St. Petersburg, Obshchestvo "Staryi Peterburg–Novyi Leningrad" Publ., 1993. 430 p. (In Russ.)